

Глава 15: «Высунь язык»

Губы Се Яня были тонкими, но мягкими. Одной рукой он обхватил мою шею, а другой обнял за талию. Я замер, не смея пошевелиться и даже дышать слишком громко.

Я думал, что он просто коснется своими губами моих, как я сделал с ним, а потом отпустит меня. Но вместо этого он высунул свой влажный язык и с нежной осторожностью проследил по линии моих губ.

Как он смеет!

Ошеломленный, я быстро открыл глаза и увидел длинные густые ресницы Се Яня, похожие на два веерных веера. Его глаза оставались закрытыми, и даже во время поцелуя его выражение лица было отстраненным. Если бы не болезненное сжатие моей талии, я бы мог подумать, что он ничего не чувствует.

Заметив мой взгляд, Се Янь наконец открыл глаза, и я сразу же встретился с его ледяными, снежно-серыми зрачками.

«Высунь язык», — услышал я его слова.

К тому времени, когда это закончилось, мой язык был несколько онемевшим. По какой-то необъяснимой причине Се Янь обращался с моим языком как с деликатесом — жевал, лизал, кусал и исследуя его. Он так крепко прижался к моим губам, что у меня закружилась голова от нехватки кислорода, и я почувствовал, будто плыву по облакам.

Сидя в его объятиях, я тихо дышал. Воздух был насыщен затяжной, интимной атмосферой. Чтобы прервать тишину, я снова спросил: «Почему ты пришел?»

«А я не могу прийти?» Се Янь уклонился от прямого ответа, вместо этого играя с моей мочкой уха.

Я не понимал, что такого интересного в моей ушной мочке. Я слышал, как гадалки говорили, что толстые ушные мочки означают длительное благополучие, но у меня они тонкие. Говорят, что у таких людей, как я, меньше удачи.

Я освободил ухо из его рук и ответил: «Конечно, ты можешь приходить. Почему бы и нет? Я был бы рад, если бы ты приходил каждый день, чтобы я мог видеть тебя ежедневно».

Только после того, как я это сказал, я понял, как мне было неловко. Се Янь ничего не ответил и не пообещал вернуться.

Но он приходил каждый день. Во время моего выздоровления он приезжал утром из резиденции наследного принца и возвращался в наше поместье с моим отцом после заседаний суда.

Он был человеком немногословным, почти не разговаривал со мной в течение дня, но всегда приходил проверить, как я себя чувствую. Втайне я чувствовал, что он, должно быть, немного привязался ко мне.

Это делало меня таким счастливым.

Хотя это приносило мне огромную радость, вскоре я столкнулся с проблемой. Когда моя рана начала заживать, она стала невыносимо чесаться. Я не мог удержаться от того, чтобы не почесать ее. Мой отец, опасаясь, что у меня останутся шрамы, внимательно следил за мной. Но как только он уходил, я тайком чесал рану и уже содрал большую часть струпа.

«Фэн Муцю, если ты будешь так чесать, ты испортишь себе руку», — сердито сказал отец, резко повысив голос.

«Ах, отец, я больше не буду чесать. Не волнуйся. Когда позже приедет наследный принц, пожалуйста, не выдавайте меня».

Я предполагал, что Се Янь скоро прибывает, и мог только умолять отца, надеясь, что он не станет доносить. Отец меня балует, а Се Янь — нет. Если он узнает, что я чесал рану, у меня наверняка будут неприятности.

«Ладно, ладно. Я знаю, что ты не воспринимаешь мои слова всерьез. Когда Се Янь придет, я попрошу его следить за тобой».

Мои слова вдруг вдохновили отца, его лицо просветлело, как будто он нашел спасителя.

«Что происходит?»

Как по сигналу, Се Янь вошел в комнату, озаренную утренним светом. Сегодня он был одет в белое одеяние цвета слоновой кости, подол которого грациозно развевался на утреннем ветерке, придавая ему неземной облик.

«Ваше Высочество, вы пришли как раз вовремя. Мой глупый сын чешет свою рану, хотя она еще не зажила полностью. Он всегда слушает вас — пожалуйста, вбейте ему в голову здравый смысл».

Не довольствуясь одними жалобами, мой дорогой отец также поднял мой широкий рукав и схватил мою раненую руку, чтобы показать ее Се Яню.

Се Янь взглянул на мою руку, и его лицо помрачнело. Холодно он сказал: «Канцлер, вы слишком балуете Фэн Муцю. Он пользуется вашей благосклонностью и, естественно, не слушается».

«Действительно», — согласился мой отец, хотя и беспомощно. «Я знаю, что слишком его балую, но ничего не могу с собой поделать. Перед смертью его мать заставила меня пообещать, что я буду хорошо о нем заботиться. Я боюсь видеть его несчастным или плачущем. Иначе я не осмелюсь смотреть в глаза его матери в загробном мире».

«Отец, не говори так. Я буду вести себя хорошо, обещаю. Я больше не буду чесаться, правда, не буду», — поспешно поклялся я, видя, как отец все больше расстраивается. «Клянусь, если я снова почешусь, я стану собакой!»

«Твоя клятва не вызывает доверия», — холодно заметил Се Янь. Его пронзительные глаза феникса заставили меня почувствовать необъяснимую вину, напомнив мне о уроке, который я усвоил ранее.

«Как насчет такого варианта: Фэн Муцю будет жить со мной в течение следующих нескольких дней. Я лично позабочусь о нем. Как только его рана полностью заживет, я верну его тебе. Что ты думаешь?»

Я абсолютно не хотел этого. Се Янь был таким холодным и отстраненным — он мог даже связать меня, чтобы я не чесался. Я энергично покачал головой, бросая на него умоляющие взгляды.

Но мой отец явно был на его стороне. Обрадовавшись и благодарный, он сложил руки и сказал: «Тогда я должен побеспокоить Ваше Высочество».

Итак, меня увезли в карете Се Яня. Он пил чай и читал книгу, полностью игнорируя меня.

Я мог только поднять занавеску и смотреть на пейзаж за окном. Погода была прохладнее, чем в полдень, дул свежий ветерок. Официальная дорога была чистой, пешеходов было мало.

Моя рука невыносимо чесалась, но каждый раз, когда я поднимал руку, Се Янь случайно поднимал глаза от книги и смотрел на меня. Я сразу замирал, не смея чесаться.

Но зуд был невыносимым. Я терпела, пока мои глаза не покраснели, надеясь, что Се Янь поспешит в дворец, и я наконец смогу почесаться.

Наконец мы достигли ворот дворца. Я полагал, что Се Янь не заберет меня внутрь, поэтому с нетерпением ждал, когда он уйдет, едва скрывая улыбку.

Се Янь двигался медленно, что меня озадачило. Обычно он быстро и эффективно расставался

со мной. Почему сегодня он двигался медленнее черепахи, как раз когда я хотел, чтобы он ушел? Я не мог не подгонять его.

Как раз когда он собирался выйти из кареты, я начала чувствовать облегчение. Но ситуация быстро изменилась — Се Янь повернулся и пошел ко мне, его прежняя медлительность исчезла, сменившись быстрыми, ловкими движениями.

Очевидно, его прежняя медлительность была притворством, чтобы поиздеваться надо мной.

«Чего ты еще хочешь? Если опоздаешь ко двору, император накажет тебя», — предупредил я его строго, надеясь, что он не сделает ничего лишнего.

«Хм», — ответил Се Янь, и его тонкие руки внезапно расстегнули мой пояс!

«Се Янь, что ты делаешь!»

Я отчаянно сопротивлялся, но Се Янь ловко уклонился от моего удара и прижал мои руки и ноги. Он легко снял мой пояс, и без его сдерживания моя одежда распахнулась, обнажив большую часть моей кожи. Я едва смог прикрыться руками.

Когда взгляд Се Яня упал на то место, которое я прикрывал, в его глазах мелькнула непонятная, сложная эмоция. Он колебался секунду, прежде чем решительно связал мне обе руки.

«Се Янь, ты ублюдок!»

Как я и боялся, Се Янь не проявил ко мне никакой пощады. Любой метод, который был простым, жестоким и эффективным, он применял ко мне.

Услышав мою оскорбление, Се Янь обернулся, чтобы посмотреть на меня. Его глаза, которые только что отвернулись, невольно упали на что-то другое. Его глаза в форме феникса потемнели, и его голос прозвучал хрипло. «Я развяжу тебя после суда».

«Се Янь, не уходи! Сначала развяжи меня! Я действительно не буду чесаться! Се Янь!»

Мне было уже все равно, что я выгляжу неряшливо. Я полз к Се Яню на четвереньках. Если меня будут держать связанной еще несколько часов, зуд в моей травмированной руке будет мучить меня до смерти.

Когда я наконец добралась до него, я не смогла сдержаться и стала жалобно обещать: «Я действительно не буду чесать, клянусь. Не связывай меня, Се Янь, пожалуйста».

Говоря это, я потерлась щекой о его губы, пытаюсь воздействовать на его доброту.

Се Янь не шевелился, позволяя мне тереться о него, как домашнее животное. Я увидел, как его кадык подпрыгнул, а затем он глубоко вздохнул. «Веди себя хорошо», — сказал он, прежде чем поднять занавеску кареты и уйти, не оглядываясь.

Следующие несколько часов были для меня мучительным испытанием.

Зуд был похож на то, как будто меня грызли бесчисленные муравьи. Я огляделся и понял, что Се Янь обмотал тканью все острые предметы в карете. Я мог только слегка потереть руку о ковер на полу. Мои глаза покраснели, нос зачесался, и я почувствовал себя ужасно обиженным.

Почему Се Янь всегда был так безжалостен ко мне? Я тоже человек, я могу страдать. Почему он всегда так со мной поступает?

Эти эмоции, усугубленные невыносимым зудом, одолели меня. Поэтому, когда Се Янь снова вошел в карету, я схватил фарфоровую чашку обеими руками и с силой швырнул ее ему в лицо.

<http://bllate.org/book/15794/1412432>